ЭКСКЛЮЗИВ

Антон ДОЛИН

Чен Кайге: «Свобода важнее всего»

Жюри 56-го Берлинале под предводительством знаменитой актрисы Шарлоты Рэмплинг начинает смотреть и оценивать конкурсную программу. Не менее интересной представляется внеконкурсная программа уже потому, что одним из ее пунктов стал новый проект китайского режиссера Чена Кайге. Обладатель каннской «Золотой пальмовой ветви» за драму «Прощай, моя наложница», лидер «нового китайского кино», успевший поработать и за рубежом, здесь не только возвращается на родину, но и соперничает со своим давним коллегой — автором «Героя» Чжаном Имоу. «Обещание» Чена Кайге — масштабная живописная сказка с невиданными спецэффектами, самый успешный азиатский кинофильм минувшего года, имеющий немало шансов на прокат в Европе и Штатах. Накануне премьеры «Обещания» в Берлине с **Ченом КАЙГЕ** встретился корреспондент «МН».

— Как вы думаете, с чем связана мода на азиатские сказочно-исторические фильмы? Это началось с «Крадущегося тигра, невидимого дракона» Энга Ли, за которым последовали «Герой» и «Дом летающих кинжалов» Чжана Имоу. А теперь вы сняли «Обещание» и даже в России запустили в производство фильм о молодости Чингисхана...

— Есть две причины. Во-первых, некоторые кинорежиссеры в Азии только в последние годы получили финансовую поддержку, чтобы позволить себе столь дорогостоящие проекты — эпические фильмы или фэнтези. Во-вторых, влияние Китая в мире растет, и мы все чаще думаем о том, чем мы можем заинтересовать зрителей всего мира, а не только нашей страны. В Китае масса молодых режиссеров, и они предпочитают более скромные проекты. Как в молодости поступали и мы с Чжаном Имоу, который в трех моих малобюджетных фильмах был оператором. Хорошие были фильмы…

Трудно сказать, что именно происходит сейчас в Азии, но многое меняется. Что-то к лучшему, что-то к худшему. В том числе кино. Знаю одно: я продолжу снимать масштабные фильмы. Я не тот, что прежде, утраченную чистоту не вернешь. Когда-то я не думал о рыночной стоимости того, что делаю, а теперь думаю. Но и потенциал рынка кино вырос. Национальное кино в Китае развивается, и почему бы не поддержать его, сделав хороший фильм?

— «Обещание» — больше фильм для китайской публики или для международной?

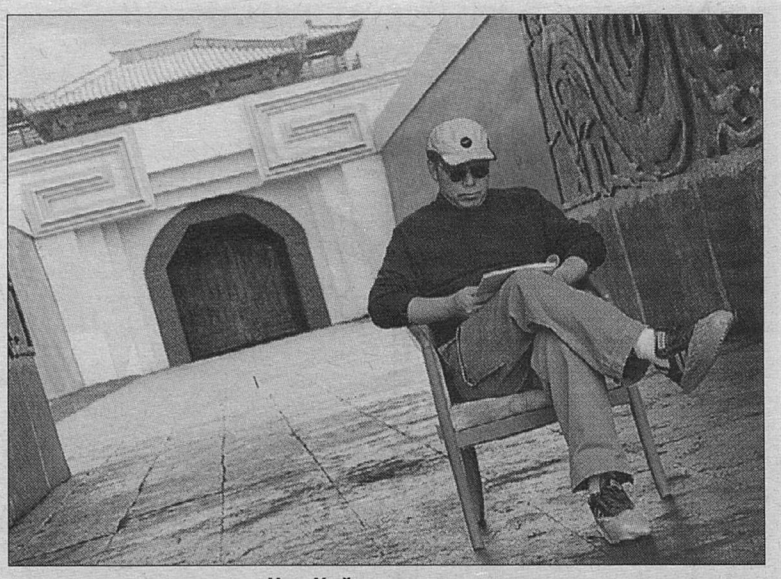
— Мы стараемся делать китайские фильмы для китайцев, но и о глобализации не забываем. Не то чтобы мы специально удовлетворяем потребности западной публики: мы пользуемся возможностью рассказать о нашей культуре, о наших традициях. Это сознательная и сложная стратегия. Думая только о национальном рынке, далеко не уйдешь.

— То есть «маленькие» фильмы вас уже не соблазняют?

— Ну почему, перед «Обещанием» я снял именно такую картину — «Вместе». Любые решения я принимаю интуитивно. На «Обещание» я потратил три года и сейчас должен сделать передышку, прежде чем ринуться в новую авантюру. Моя творческая карьера началась так давно, что мне все сложнее поверить в собственную молодость и творческую дееспособность. Хотя хочется надеяться, что я буду жить долго и счастливо и продолжу снимать кино.

— К «Обещанию» уже прилепили ярлык «китайского «Властелина колец»...

— *(Тяжело вздыхает.)* Это самая поверхностная оценка моего фильма. В нем действительно есть элементы фэнтези, магия всякая и бюджет внушительный. Других сходств нет. Да, это развлекательный фильм. Но почему бы в развлекательном фильме не задать вопросы, связанные с современностью? Вот какой вопрос интересовал меня: свободны ли мы? И почему свобода так важна для нас? Если в нашем сердце нет свободы, мы остаемся пленниками — какими бы сокровищами ни обладали. И еще: каждый заслуживает свою судьбу. Твой путь всегда зависит от того, что ты за человек. Звучит абстрактно, но в реальности это так. Три слова важны в этом фильме: «любовь», «судьба» и «свобода».



Чен Кайге не останавливается на достигнутом

Китайская экзотика «Обещания» интересна всему миру

— И какое важнее прочих?

— Свобода важнее всего.

— Похоже на кредо режиссера арткино, а не коммерческого хита.

— Я не люблю все эти ярлыки — «коммерческий», «некоммерческий»… Если фильм по-настоящему хорош, он выше подобных определений. «Обещание» — коммерческий арт-фильм. Я сделал в этом фильме то, что хотел сделать.

— Ваш «Император и убийца» казался фильмом несколько старомодным в сравнении с «Героем», снятым позже точно на тот же сюжет, но с использованием новейших технологий. Вы открыли для себя какие-то новые технологии, когда работали над «Обещанием»?

— Разумеется! «Император и убийца» был прекрасным историческим эпосом…

— ...в духе Бондарчука.

— Чем я горжусь! Это помогло мне исследовать главный вопрос — об исторических корнях диктаторской власти в Китае. Делая «Обещание», я осознал, что высокие технологии могут быть использованы в развлекательном кино, но только для того, чтобы сделать его более поэтичным! Нельзя забывать о классической китайской живописи. Границы исчезают, и язык нашей поэзии и нашей живописи должен быть понятен всему миру.

Войдя в новое тысячелетие, мы должны измениться — внутренне и внешне. Только некоторые вещи должны оставаться неизменными. Иногда мы должны возвращаться назад. Когда праздновалось 60-летие окончания Второй мировой войны, по телевидению я смотрел трансляцию парада на Красной площади. Меня захватило это зрелище — будто ожили воины-победители 1940-х, маршировавшие по этим древним камням… Потрясающее зрелище! Жена так удивилась, что спросила: «Ты что в телевизор вперился и уже два часа от него не отходишь?» Я не мог ей объяснить.

— Вы не хотели бы однажды снять фильм в России?

— Даже не знаю… Это зависит от многих факторов. Прежде всего от того, найду ли я сюжет.

— Вы могли бы его выдумать.

— Конечно, но для этого мне надо съездить в Россию и посмотреть, что там у вас происходит. Россия интригует меня уже немало лет. Все люди моего поколения в Китае находятся под большим культурным влиянием России. Хотя никто толком не знает, как у вас обстоят дела в последние 10 — 15 лет.

— А на вас кто повлиял?

— Их много, не буду даже произносить их имена — боюсь ошибиться. Но российское кино очень сильно на меня повлияло. Когда я учился в Пекинской киноакадемии, преподаватель так нам и сказал: «У меня для вас нет никакой методики, кроме одной — идите и смотрите кино». Я смотрел в те годы по два советских фильма еженедельно. Больше всего мне запомнилось «Иваново детство» Тарковского, «Сорок первый» Чухрая и еще этот эпический фильм… «Война и мир», вот он как назывался!

— А Эйзенштейн, Пудовкин, Дзига Вертов?

— Их фильмы нам не показывали, но я читал их теоретические труды. Они меня многому научили.

— Есть теория, согласно которой Тарковский не мог бы снять свои фильмы, если бы жил в свободном государстве. Как насчет вас и ваших соотечественников?

— Да, в СССР и Китае были схожие идеологические системы и системы управления. И у нас идеологическое кино сосуществовало с художественными исканиями. Я никогда не служил идеологии. Для меня и моих коллег кумиром был да и остается до сих пор Тарковский. Он умел снимать эпические фильмы — такие как «Андрей Рублев», у него был вкус к детали и к скрытым смыслам. Созданный им киноязык жив и актуален до сих пор. Когда я смотрел впервые «Андрея Рублева», долго не мог прийти в себя: как он мог заставить понимать себя даже собак и лошадей? А ритм, в котором движутся люди и животные! Гений — он и есть гений.

— Сейчас в России снимаются другие фильмы. Мы понемногу приходим к жанру коммерческого фэнтези, захватившему и китайское кино. Откуда такая популярность сказок?

— Возможно, такова реакция на освобождение от идеологического контроля властей. Это просто фаза, которую надо пройти. Пока еще мало кто способен в Китае сделать такой фильм, как «Обещание», хотя многие мечтают об этом. Я с удовольствием помог бы в этом молодым режиссерам. Не каждый фильм должен быть коммерчески успешным, но выживать нам помогает коммерческое кино. С другой стороны, делать фильм только ради денег — ничего нет хуже. Фильм должен заставлять людей переживать и думать. Фильм может изменить жизнь человека. Общее переживание, приходящее к людям в темноте кинозала, объединяет их. Этому я тоже научился у старого советского кино. ■

ДОСЬЕ

Берлинале, 56-й Берлинский международный кинофестиваль (9 — 19 февраля 2006-го), уже окрестили «Политикале» вместо прошлогоднего «Сексинале». По словам его директора Дитера Косслика, хотя у фестиваля нет официального девиза, его лицо будут определять реалистичные политические фильмы.

Если, добавил он, в 2005 году крупными фестивальными темами были секс, футбол и политика, на сей раз останется только политика. Берлинале следует мировой тенденции.

Политические темы будут представлены во всех секциях. Вне конкурса будет показан политический триллер Стива Гэхана «Сириана» с Джорджем Клуни в главной роли. В секции «Панорама» будет демонстрироваться картина Яна Хенрика «Бай, бай, Берлускони». В основной конкурс вошел фильм Майкла Винтерботтома «Дорога в Гуантанамо» — о трех британских мусульманах, которые два года содержались в американском лагере на Кубе без предъявления им какого-либо обвинения.

На участие в Берлинале претендовали 4 тысячи фильмов, около 400 из них будут показаны в основном конкурсе и параллельных программах. В Берлине состоится 17 мировых премьер. За «Золотых» и «Серебряных медведей» будут бороться 19 конкурсных картин, из них 4 немецкие. Оскар Релер представит экранизацию романа Мишеля Уэльбека «Элементарные частицы». Российские фильмы в основные программы Берлинале не попали.